

Казакова Юлия Константиновна

ТРАДИЦИИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА "ИЗМЕРЯЯ МИР"

Статья раскрывает особенности отражения традиций магического реализма в романе Даниэля Кельмана "Измеряя мир". Особое внимание автор статьи фокусирует на философии творчества писателя, в которой реальность преобразуется с помощью магии человеческого сознания и слова и несет в себе мощный консолидирующий импульс. В статье описываются некоторые характерные явления магического реализма; подчеркивается единство тем с культовым романом Г. Гарсиа Маркеса "Сто лет одиночества".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 98-102. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. Ермолаева Л. С. Типология системы наклонения в современных германских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 27-35.
8. Зверева Е. А. Научная речь и модальность (Система английского глагола). Л.: Наука, 1983. 158 с.
9. Золотова Г. А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. С. 65-79.
10. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 37-48.
11. Селезнева Л. В. Антропоцентрический аспект категории модальности (на примере повести Г. Чулкова «Вредитель») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 112-114.
12. Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке: теория и практика: учеб. пособие. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Саранск: Красный октябрь, 1994. 176 с.
13. Fintel K. von. 2006. Modality and Language [Электронный ресурс] // Encyclopedia of philosophy – second edition / Donald M. Borchert (ed.) Detroit: MacMillan Reference USA.. URL: <http://mit.edu/fintel/fintel-2006-modality.pdf> (дата обращения: 12.10.2013).
14. Palmer F. R. Modality and the English Modals. L.: Longman, 1979. 196 p.
15. Palmer F. R. Mood and Modality. 2-nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.

REALIZATION SPECIFICITY OF MODALITY AS LEXICO-GRAMMATICAL CATEGORY IN ENGLISH LANGUAGE

Ivanova Oksana Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy
National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine
ok.ko176@gmail.com

The author of the article discloses the essence of the widespread but controversial notion «modality» as a lexico-grammatical category of linguistics; analyzes the points of view of domestic and foreign scientists about modality, its types; considers the expression means of the given linguistic category in the English language; accents the attention on the variety of the meanings and shades of means which express its content.

Key words and phrases: modality; lexico-grammatical category; language iniversal; types of modality; means of modality expression.

УДК 821.112.2

Филологические науки

Статья раскрывает особенности отражения традиций магического реализма в романе Даниэля Кельмана «Измеряя мир». Особое внимание автор статьи фокусирует на философии творчества писателя, в которой реальность преобразуется с помощью магии человеческого сознания и слова и несет в себе мощный консолидирующий импульс. В статье описываются некоторые характерные явления магического реализма; подчеркивается единство тем с культовым романом Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества».

Ключевые слова и фразы: магический реализм; латиноамериканская литература; Даниэль Кельман; роман «Измеряя мир»; мифологическое мышление.

Казакова Юлия Константиновна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
kazakovajolie@gmail.com

ТРАДИЦИИ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»[©]

Важным звеном в проекции литературного мифотворчества является магический реализм, раскрывающий зашифрованные интертекстуальные возможности и связи современного искусства как отражения реальной жизни человека; «писатель систематически замещает свой взгляд цивилизованного человека на взгляд примитивного человека, пытается осветить действительность через призму мифологического сознания» [5, с. 193].

Основной целью настоящей статьи является анализ произведения Д. Кельмана «Измеряя мир», как яркого примера европейской литературы, с некоторых ключевых позиций магического реализма. Рассматривая данный роман сквозь призму этого литературного направления, стоит отметить, что особая роль в этом процессе принадлежит Габриэлю Гарсиа Маркесу, мотивы и образы произведений которого встречаются во многих романах немецкоязычных «магических» реалистов. Пристальное изучение феномена романа «Измеряя мир» дает возможность не только констатировать, что магический реализм является одним из важнейших компонентов романного творчества Д. Кельмана, но и проследить эволюцию соответствующей художественной традиции, активно развивающейся в немецкоязычной литературе XX-XXI столетий.

Автором термина «магический реализм» принято считать немецкого искусствоведа Франца Роо (1890-1965 гг.), опубликовавшего в 1925 году монографию «Постэкспрессионизм (магический реализм): проблема новой европейской живописи». В немецкой литературе явление магического реализма получает своеобразное новое рождение после Второй мировой войны, уходя корнями в романтизм и экспрессионизм (романы Э. Кройдера «Общество с чердака» (1946 г.), Г. Казака «Город за рекой» (1947 г.) и др.). Видный отечественный исследователь Ю. Боров относит к одной из главных особенностей магического реализма развитие фантастических эпизодов по законам житейской логики как частей обыденной реальности. Это «своеобразный реализм, прошедший школу романтизма и экспрессионизма, кафкианский мир, изменившийся концептуально, художественная реальность – человеческая, реалистическая по средствам и идеям. В отличие от безнадежности кафкианского мира в художественной реальности магического реализма сказочная феерия пронизана верой в добро; романтическая фантазия сливается с обыденностью и порой торжествует над ней» [2, с. 424]. Среди основных принципов магического реализма стоит отметить спокойствие, невозмутимость, бесстрашие в интонации повествователя, а также провозглашенный Э. Хемингуэем принцип айсберга, согласно которому на поверхности текста должна быть лишь десятая часть смысла, а остальные девять десятых в подтексте. Известно, что литература магического реализма как наиболее заметное и самобытное течение в послевоенной латиноамериканской прозе, зародилась именно в карибских странах с их причудливым смешением рас, цивилизаций и верований. Тем не менее, проводя обзор явления магического реализма в современной литературе, нельзя не согласиться с мнением исследователя Овчаренко о том, что термин «магический реализм» далеко не полностью определяет сущность так называемого латиноамериканского романа. Его значение постоянно эволюционирует, и «выводить теоретические особенности магического реализма только из произведений Астуриаса и Карпентьера значит сознательно игнорировать то реальное наполнение, которое получил этот термин в литературоведении, начиная с середины XX века вплоть до наших дней» [8, с. 427]. В доказательство вышесказанного Овчаренко приводит в пример присутствие коллективного мифологического сознания не только в латиноамериканской и африканской литературах, но и в произведениях европейских писателей. При этом исследователь делает акцент на то, что авторы опираются, прежде всего, на мифологическое мышление европейского человека, как христианское, так и гностическое, причем, не только высокоинтеллектуальное, но и сугубо народное [Там же, с. 428].

Отечественные исследователи справедливо полагают, что в литературе магического реализма «мифотворчество становится основополагающим элементом» [6, с. 12]. Будучи одним из важных и основных понятий для литературной эпохи XX века, миф привлекает к себе внимание своей многозначностью, универсальностью, способностью выражать и проецировать множество значений и смыслов. В качестве альтернативной (по отношению к науке, истории, культуре) системы знаний, миф может представляться как целостный и синкретичный образ мира. Все заимствования элементов европейской фантастической литературы приспосабливаются для выражения латиноамериканского мифологического коллективного сознания. Фантастико-сюрреалистический кошмар индивидуалиста-европейца сменяется в магическом реализме мифом, частью индейской или афроамериканской реальности, которая не поддается рациональному осмыслению европейцами. Последние отличаются типом восприятия действительности, достаточно детально описанным в европейской литературе XXI века, характерным признаком которой можно считать сохранившееся мифологическое мышление и сознание. Возникший в Европе и США во второй половине XX века бум латиноамериканской прозы постепенно приводит к употреблению термина «магический реализм» в отношении творчества тех писателей, чья нога никогда не ступала на землю Южной Америки. Балансирующий, по мнению исследователя Б. Невского, на грани фэнтези и реалистического мейнстрима евро-американский магический реализм представляет собой некий «эстетский камуфляж таких жанров, как научная фантастика или фэнтези» [7].

Европейский магический реализм, возникший в окружении постмодернистской культуры, несет в себе многие основополагающие черты этого направления, тесно переплетая их с ключевыми позициями традиционной «карибской» литературы. Среди основных характерных приемов этого явления, пришедшего в европейскую литературу, исследователь Н. Шамсутдинова называет наличие необъяснимого элемента, подробное описание мира феноменальных явлений, наличие двух реальностей, избыточность при описании деталей, жизнеподобие, обязательное наличие узнаваемых черт исторической реальности, органичное использование элементов фантастики, играющих в произведениях подчиненную роль, и другие. К одной из главных характеристик повествования в европейском магическом реализме также причисляется разрушение представления о времени, пространстве и идентичности [9, с. 157].

Один из самых ярких на сегодняшний день представителей австрийской словесности, Даниэль Кельман, по своему собственному признанию, примыкает к мировой традиции магического реализма. Немалую роль в идее написания его самого известного романа «Измеряя мир» (*Die Vermessung der Welt*, 2005 г.) играет стажировка автора в Мексике, во время которой он изучал курс латиноамериканской литературы [13].

По мнению Е. М. Шастиной, «географическое пространство – место физического и духовного обитания – занимает исключительно важное место в жизни художника» [10, с. 105]. Вмещающая автора и его героев, оно, как некая субстанция, оживает, порождает художника, подпитывая его душу и воображение. В Мексике, потрясенный эмоциональным и художественным величием латиноамериканской прозы, Кельман приходит к выводу, что литература должна создавать яркие, необычные и запоминающиеся образы персонажей, в которых читатель начинает верить: «если вводишь героя, который по сюжету является выдающимся художником, то недостаточно просто именовать его таковым, надо придумать и рассказать историю его творческой деятельности так, чтобы читатель поверил, что видел его полотно» [Цит. по: 1, с. 539].

В процессе изучения истории и культуры Латинской Америки Кельман обнаруживает, что А. Гумбольдт занимает в ней значительное место и, более того, что Гумбольдт и Гаусс в действительности однажды встречались друг с другом во время одного из научных конгрессов в Берлине; это и становится ключевым импульсом к созданию романа [13].

Интертекстуальное прочтение романа отсылает читателя к произведению Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» как к одному из источников, реконструировать который помогают различные сюжетные параллели, а также упоминаемые в произведении реально существующие и вымышленные картины из культуры и быта народов Латинской Америки, особенно в описании путешествия Гумбольдта и Бонплана по Амазонке в главе «Река». Причудливое сплетение событий и слов, характеризующих местный колорит, прихоть колдовства и магии, волшебных чар и вещей снов очень правдоподобно имитируют маркесовский нарратив, постоянно балансирующий на стыке реальности и фантазии. «Он никогда не говорил потом в Париже о вещах, о которых вспоминали его солдаты: гортанные крики и прицельно выпущенные из джунглей отравленные стрелы, ночные огни, а главное, те неуловимые странности жизни, когда реальный мир на минуточку делал шаг в сторону ирреального. Деревья только что выглядели как деревья, а лениво плещущаяся вода в реке была самой обычной, но вдруг содрогался, понимая, что пред тобой мимикрия чего-то инородного...» [3, с. 121]. В главе «Река» Кельману удастся исчерпать для себя все возможности магического реализма. Все происходящее в этой главе описано, с одной стороны, как реалистические события, а с другой – это фактический материал, представленный в виде мифологического сознания коренных жителей континента. Причем «индейская» составляющая оказывается наиболее убедительной, за счет чего и возникает то самое необходимое двоemiрие, та самая «геометрия души», о которых и говорили в свое время теоретики магического реализма.

Немецкая исследовательница А. Эхтерхельтер, анализируя роман Кельмана «Измеряя мир», приводит в качестве доказательства принадлежности романа к жанру магического реализма стандартный набор латиноамериканских реалий-ассоциаций, подобранных автором для знакомства читателя с Венесуэлой, – изматывающая жара, бесчисленные москиты, неотъемлемые индейцы и джунгли. Стремительно развивающийся сюжет, безупречно готическая архитектоника романа, отшлифованная историческими шутками и байками, окрашивающая интеллектуальные авантюры Гумбольдта и Гаусса в привлекательные для читателя яркие краски [11]. Красочно изображаются и природа континента, и причудливое соседство различных рас, и «барочное» скрещение непохожих друг на друга цивилизаций. В своем романе Кельман выбирает идеальное время для наблюдения парадоксов истории и культуры – это рубеж XVIII-XIX вв., где сама действительность создает очень эффектные ситуации.

В центре романа «Измеряя мир» — история освоения мира двумя знаменитыми учеными. Жанр романа не поддается точному определению, по ходу произведения друг друга сменяют научная хроника, историческая эпопея и даже сказочная притча с элементами литературной пародии. В романе перед читателем предстают научный и ненаучный реальные миры, которые одновременно фантастичны и волшебны. Суть поэтики Кельмана заключается в соединении разных миров, реального и вымышленного, сотканных из разных временных субстанций – прошлого и настоящего. На примере двух известных ученых эпохи Просвещения Гумбольдта и Гаусса писатель создает образ всей научной Европы от первых значимых научных открытий до наших дней. В произведении заметна аналогия с новаторским ходом Г. Гарсиа Маркеса, когда в тексте романа события разных веков сплавлены воедино, и по мере развития сюжета движение времени и событий постепенно то ускоряется, то замедляется, оставляя читателю самостоятельно определять хронологические координаты. Как и в романе «Сто лет одиночества», происходит разрушение категории времени, что является одним из главных признаков литературы магического реализма. Роман отличается также постмодернистским характером повествования, в котором процесс переписывания истории является одним из основных. Исследователь Н. Шамсутдинова полагает, что противопоставление исторической правды и фантазии наблюдается во многих современных романах европейских писателей. «История переписывается и изменяется; предлагаются новые интерпретации исторических событий» [9, с. 157].

Вселенная и история уподобляются Кельманом опыту, научному эксперименту, роль которых выполняют у писателя говорящие символы – измерительные приборы, карты, формулы: «...теперь ему удастся однажды понять природу колебаний вокруг Земли. И для этого вовсе не надо лазать на горы и мучительно продирааться сквозь джунгли. Тот, кто наблюдает за магнитной стрелкой, смотрит в самое сердце земного шара» [3, с. 286].

Персонажи художественного мира писателя оставляют читателю огромное количество виртуальных сносок и комментариев, будто утверждая, что никакая истина не конечна: «Ему, собственно кажется, что евклидово пространство не является, как утверждается в Критике чистого разума, формой нашего восприятия как такового и лежит тем самым априори вне опыта, скорее всего, это лишь вымысел, прекрасная мечта. Истина – вещь довольно таинственная. <...> Может, и параллельных линий-то никаких нет...» [Там же, с. 99]. Кажется, автора не особо интересует результат таких ментальных поисков, более важным ему представляется сама атмосфера интеллектуальной шарады, процесс. Гумбольдт и Гаусс представляют собой собирательный образ-карикатуру немецкого ученого, коих в истории Германии предостаточно: «...он сам себе иногда казался магом темного времени, вроде алхимика на старинной гравюре. А почему и нет? *Scientia Nova* родилась из магии, и что-то неуловимое в этом духе всегда будет ей присуще» [Там же, с. 287].

Преломляя жизнь персонажей своих произведений сквозь призму мировосприятия других наций, во многом сохранивших свои особенные пантеистические представления о мире, автор умело сочетает смелый литературный эксперимент и фольклорную традицию классической немецкоязычной литературы.

Характерные для латиноамериканской литературы вечные темы поиска смысла жизни, истинной ценности бытия и формулы счастья возникают в романе на каждой странице, отражаясь в строгой призме

естественных наук с ее идеальными углами: «...и Гумбольдт... внезапно понял, что не может сказать, кто из них путешествовал по миру, а кто всегда оставался дома» [Там же, с. 310].

У Ю. Борева мы находим еще одно смыслообразующее свойство магического реализма – раскрывать бытие мира через вымысел и «несерьезность», уходя от канона и официоза. Исследователь называет такую несерьезность раблезианской, определяя ее как погружение в многовековую народную смеховую культуру [2, с. 422]. Политика и история предстают в романе Кельмана в свете раблезианского карнавального смеха, позволяющего, по словам Маркеса, «вывернуть действительность наизнанку, чтобы разглядеть, какова она с обратной стороны»: «В Москве все застопорилось. Это невозможно, сказал градоначальник, чтобы такой знаменитый гость взял и сразу их покинул» [3, с. 288]. Искусно объединяя сверхъестественное и естественное, паранормальное и обыденное, писатель демонстративно жонглирует смыслами и фактами разных культур.

Проведя анализ романа «Измеряя мир», можно выявить в нем некоторые ключевые позиции магического реализма, основными характеристиками которых являются разрушение представления о времени, пространстве и идентичности, единство главных тем в произведениях Кельмана и Гарсиа Маркеса. Написанный в духе литературных традиций латиноамериканского романа, а именно культурного произведения Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», роман «Измеряя мир» – причудливая смесь комизма и меланхолии на тему мироздания, мироощущения, смысла жизни и истинных ценностей. Весь «гарсиа-маркесовский» интертекст обладает здесь, с одной стороны, определенной семантикой, а с другой – порождает целый ряд дополнительных значений, раскрывающих концепцию писателя. Значительное место в романе занимают созданные фантазией автора мифологизированные картины современной действительности, в которой осознание позиции современного человека в мире и острая реакция на социальные и культурные потрясения в стране играют немаловажную роль.

В целом роман «Измеряя мир» подчиняется основным канонам магического реализма: в повествовании часто присутствует подробное описание необъяснимого элемента, которое провоцирует сомнения читателя в реальности того или иного признака. Успешно интегрируя многие австрийские и латиноамериканские литературно-художественные традиции, образующие сложную смысловую мозаику с многозначным образным рядом, роман полностью соответствует современной австрийской литературной тенденции к обновлению прозы, ее языка и жанровых форм. Несмотря на наличие основополагающих признаков литературы магического реализма, проза Кельмана, тем не менее, имеет свои особенности. Его творчество, представленное романами, эссе, публицистикой и драматургией, получило высокую оценку критики и пользуется большим успехом у широкой читательской аудитории. К заметным художественным открытиям Д. Кельмана можно причислить изображение современного человека (в частности, представителя немецкоязычного народа) как хранителя национальных обычаев и традиций, коллективной памяти, объединяющей разные культурные контексты. Это особенно подчеркивают британские литературоведы: «при всей «немецкости» предмета романа, роман «Измеряя мир», скорее, мог бы принадлежать перу Гарсиа Маркеса, если бы он родился в Штутгарте» [12]. Тесно переплетенная с человеческой фантазией, поливариантная кельмановская философия творчества умножает и создает миры, в которых явление магического реализма служит ответной реакцией современного искусства на новую, стремительно меняющуюся картину мира, и отражает сложную многоплановую реальность человеческой жизни. Все вышесказанное свидетельствует как об уникальности творческого видения Даниэля Кельмана, так и о преемственности общей для литературного формата XXI века традиции магического реализма со свойственным ему сплавом конкретно-реального, фантастического и фольклорно-мифологического.

Список литературы

1. Белобратов А. В. История австрийской литературы XX века. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. Т. II. 1945-2000. 576 с.
2. Боров Ю. Б. Магический реализм // Теория литературы. Литературный процесс. М.: Наследие, 2001. С. 421-425.
3. Кельман Д. Измеряя мир. СПб.: Амфора, 2009. 319 с.
4. Кислицын К. Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274-277.
5. Кофман А. Ф. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман: опыт исследования. М.: Знание, 1990. 249 с.
6. Кутейщикова В. Н. Предисловие // Писатели Латинской Америки о литературе. М.: Радуга, 1983. С. 12-13.
7. Невский Б. Иллюзорный камуфляж. Магический реализм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art1591.htm> (дата обращения 25.09.2013).
8. Овчаренко О. Магический реализм // Теория литературы. М.: Наследие, 2001. Т. 4. Литературный процесс. С. 425-441.
9. Шамсутдинова Н. З. Магический реализм в современной британской литературе (А. Картер, С. Рушди): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 181 с.
10. Шастина Е. М. Распавшийся мир Элиаса Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 105-109.
11. Echterhölter A. Schöner berichten. Alexander von Humboldt, Hubert Fichte und Daniel Kehlmann in Venezuela. Dossier Humboldt Fichte // Kultur und Gespenster. 2006. Ausgabe 1, Sommer.
12. Harding L. Unlikely Bestseller Heralds the Return of Lightness and Humour to German Literature [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2006/jul/19/books.germany> (дата обращения: 24.09.2013).
13. «Ich wollte schreiben wie ein verrückt gewordener Historiker» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/bucherfolg-ich-wollte-schreiben-wie-ein-verrueckt-gewordener-historiker-1304944.html> (дата обращения: 24.09.2013).
14. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt. Berlin: Rowohlt, 2005.

**TRADITIONS OF MAGICAL REALISM
IN DANIEL KEHLMANN'S NOVEL «MEASURING THE WORLD»**

Kazakova Yuliya Konstantinovna

*Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
kazakovajolie@gmail.com*

The article considers the reflection features of the magical realism traditions in the Daniel Kehlmann's novel «Measuring the World». The author of the article focuses a special attention on the writer's work philosophy where the reality transforms with help of the person mind and word magic and carries a powerful consolidating impulse. The article describes some characteristic phenomena of the magical realism; emphasizes the unity with the cult novel «One Hundred Years of Solitude» by G. Garcia Marquez.

Key words and phrases: magical realism; Latin American literature; Daniel Kehlmann; novel «Measuring the World»; mythological thinking.

УДК 801.6

Филологические науки

В статье раскрывается содержание понятия «жанрово-стилистическая матрица», описываются состав, организация, условия и характер функционирования матрицы современного рассказа-анекдота. На примере группы текстов производится описание одной из модификаций матрицы как результата межтекстовой деривации. В данных текстах выявляются жанрово-стилистические особенности, отражающие действие межтекстового деривационного процесса.

Ключевые слова и фразы: жанрово-стилистическая матрица; рассказ-анекдот; межтекстовая деривация; реконструкция матрицы.

Карагодина Инна Андреевна

*Алтайская государственная педагогическая академия
karagodina.inna@yandex.ru*

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА-АНЕКДОТА[©]

В современной лингвистике и теории текста возрос интерес к изучению коммуникативной природы текста, раскрывающейся в таких важнейших категориях, как диалогичность, текучесть, открытость, риторичность, трансформируемость [4; 8; 9]. Жизнедеятельность текстов заключается в их непрерывном отношении к другим текстам. Вследствие этого возникает потребность в полном и глубоком описании взаимодействия текстов разных жанровых форм, в установлении характера данного взаимодействия, в выявлении четких законов построения появляющихся гибридных образований.

В жанровой системе современной малой прозы появились гибридные образования, что обусловлено стремлением малой прозы очертить свою независимость от массовой литературы, представленной в России, в основном, романном жанром, склонностью писателей к жанровому экспериментированию, новыми условиями функционирования [5; 6]. Изучение синкретических малых форм с позиции теории интертекстуальности и теории эвокации не раскрывает всех сторон взаимодействия первичного и вторичного текста в современной малой прозе. Механизм преобразования исходного текста в производный может быть описан в результате рассмотрения текстов малой прозы с точки зрения межтекстового деривационного процесса. Реконструкция жанрово-стилистической матрицы современного рассказа-анекдота как синкретической жанровой формы представляет собой одну из попыток осознания механизма межтекстовой деривации.

Целью данной статьи является описание жанрово-стилистической матрицы современного рассказа-анекдота и выявление особенностей одной из ее модификаций.

Вторичные жанровые формы малой прозы зарождаются в условиях художественной сферы путем включения первичной формы в состав более сложной с последующей трансформацией. Данное положение применимо и к современному рассказу-анекдоту как производной жанровой форме, сложившейся благодаря соединению первичных жанровых форм анекдота (как устного речевого жанра) и рассказа. Соединение рассказа и анекдота подготовлено такими их свойствами, как генетическое родство двух жанровых форм, потенциальная готовность рассказа к раздвижению своих жанровых границ, стремление современного рассказа к сокращению, невозможность анекдота функционировать вне контекста в художественно-эстетической коммуникации, а также обязательное наличие ситуации, вокруг которой развивается действие.

Процесс деривации проявляется во взаимодействии жанровых признаков рассказа и анекдота. Комплекс признаков, присущих рассказу-анекдоту, формируется, благодаря их гибкости. При трансформации первичного